

А

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНІЙ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

175
b

201-91
7472-3

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

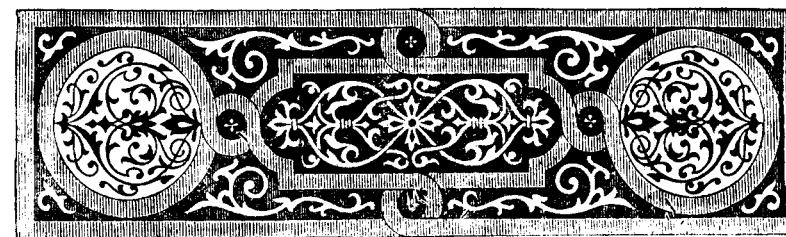
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1902.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 4 октября 1901 года.

Серій, Епископъ Лѣбурскій, ректоръ Академіи.

Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул. д. № 5.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗАЯТОУСТАГО.

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА

ІОАННА БОГОСЛОВА.

БЕСѢДА I.

ЗРИТЕЛИ подвиговъ тѣлесной борьбы, какъ скоро узнаютъ, что 24
пришелъ откуда-нибудь мужественный и уже увѣнчанный
борецъ, всѣ стекаются, чтобы видѣть его ратоборство, искусство,
силу. Тогда видишь, какъ на зрѣлищѣ, наполненномъ безчи-
сленнымъ множествомъ народа, всѣ направляютъ чувственные 25
и мысленные взоры, чтобы ничего тутъ не оставить безъ внима-
нія. Если потомъ прибудетъ какой-нибудь замѣчательный музы-
кантъ, то опять тѣ же самые люди наполняютъ зрѣлище, и, оставивъ
все, что было у нихъ въ рукахъ, иногда даже нужное какое-нибудь и
настоятельное дѣло, сидятъ на возвышеніи, и съ большимъ внима-
ніемъ слушаютъ пѣніе и музыку, испытывая ихъ благозвучіе. Такъ
обыкновенно дѣлаетъ простой народъ. А свѣдущіе въ словес-
ныхъ наукахъ тоже самое дѣлаютъ въ отношеніи къ софистамъ.
И у тѣхъ есть свои зрѣлища и слушатели, рукоплесканія и
приговоры, и строгія испытанія рѣчей. Если же зрители борцевъ,
зрители и вмѣстѣ слушатели риторовъ и музыкантовъ сидятъ

на зрѣлищѣ съ такимъ вниманіемъ, то сколько усердія и вниманія по справедливости должны вы оказывать, когда не пѣвецъ какой-нибудь и не софистъ выходитъ на подвигъ, но когда вѣщаетъ мужъ съ небесъ, и издаетъ гласъ сильнѣе грома? Своимъ гласомъ Онъ объялъ и наполнилъ всю вселенную, не потому, чтобы вопіять слишкомъ громко, но потому, что двигалъ языкъ силою божественной благодати. И то удивительно, что такой сильный голосъ нисколько не грубъ или непріятенъ, но пріятнѣе и вожделѣннѣ всякаго музыкальнаго созвучія, способенъ даже увлекать, и, сверхъ всего этого, онъ совершенно святъ, достоинъ трепетнаго благоговѣнія, преисполненъ столь великими тайнами и доставляетъ столько благъ, что принимающіе и сохраняющіе ихъ со тщаніемъ и ревностію уже какъ бы перестаютъ быть людьми и не остаются на землѣ, но, становясь выше всего житейскаго и присоединяясь къ лику ангельскому, живутъ на землѣ, какъ бы на небѣ. Сынъ грома, возлюбленный (ученикъ) Христовъ, столпъ церквей, сущихъ по вселенной, тотъ, кто имѣетъ ключи неба, кто испилъ чашу Христову и крещеніемъ Его крестился, кто съ дерзновеніемъ возлегъ на перси Господни,—вотъ онъ нынѣ приходитъ къ намъ не съ тѣмъ, чтобы представить какое-нибудь вымышленное зрѣлище или прикрывать себя личиною (не въ такомъ родѣ онъ и говорить будетъ); не восходитъ онъ на возвышенное мѣсто, не ударяетъ ногою подъ музыку, не украшается позлащенной одеждою. Онъ входитъ въ одеждѣ, имѣющей красоту безыскусственную; онъ является намъ облеченный во Христа, обувъ красныя ноги свои въ уготованіе благовѣствованія мира; поясъ—не на персяхъ, но на чреслахъ, не изъ кожи пурпурнаго цвѣта, не золотомъ покрытый сверху, но сотканный и составленный изъ самой истины. Таковъ онъ нынѣ является намъ, безъ всякаго лицепріятія; нѣтъ у него ни притворства, ни вымысловъ, ни басней, но съ открытою главою онъ возвѣщаетъ открытую истину. Будучи самъ по себѣ такимъ, онъ не иное внушаетъ и слушателямъ своимъ видомъ, взорами, голосомъ. Онъ не имѣетъ нужды въ какихъ-нибудь орудіяхъ для вѣщанія, какъ напр. въ цитрѣ, или лирѣ, или въ чемъ-нибудь подобномъ; но все совершаетъ своимъ языкомъ, издавая голосъ пріятнѣе и гораздо полезнѣе всякой игры на цитрѣ и (всякой) музыки. Мѣстомъ дѣйствія служитъ для него все небо; зрѣлищемъ—вселенная; зрите-
 26 телями и слушателями—всѣ ангелы и изъ людей тѣ, которые подобны ангеламъ, или желаютъ такими сдѣлаться. Только такіе могутъ отчетливо постигать это благозвучіе, обнаруживать его и въ дѣлахъ (своихъ) и быть такими слушателями, какимъ надобно

быть. Всѣ другіе, какъ малыя дѣти, хотя и слушаютъ, но не разумѣютъ того, что слушаютъ, а увлекаются только удовольствіями и дѣтскими играми. Такъ всѣ люди веселые, роскошныя, живущіе для богатства, для почести и чрева, хотя и слушаютъ иногда, что (имъ) говорятъ, но на дѣлѣ не показываютъ ничего великаго и возвышеннаго, потому что однажды навсегда прильпились къ брению и праху. Апостола этого окружаютъ горнія силы, дивясь благообразію души его, разуму и красотѣ его добродѣтели, которою онъ привлекъ (къ себѣ) и самого Христа и получилъ благодать духовную. Настроивъ свою душу подобно благозвучной, украшенной драгоценными камнями и имѣющей златыя струны лирѣ, онъ достигъ того, что чрезъ нее Духомъ возгласилъ нѣчто великое и возвышенное.

2. Итакъ, будемъ внимать не рыбарю, не сыну Зеведеову, но тому, кто вѣдаетъ глубины Божія, то есть, Духу, движущему эту лиру. Онъ ничего человѣческаго не будетъ говорить намъ, но все, что ни скажетъ, будетъ изъ глубины Духа, изъ тѣхъ тайнъ, которыхъ даже и ангелы не знали прежде, нежели онъ совершился. И ангелы вмѣстѣ съ нами чрезъ гласъ Іоанна и чрезъ насъ научились тому, что мы познали. Это открылъ другой апостолъ, когда сказалъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ церковію многообразная премудрость Божія* (Еф. III, 10). Итакъ, если и начала, и власти, и херувимы, и серафимы познали это чрезъ Церковь, то очевидно, что и они съ великимъ тщаніемъ занимались этимъ поученіемъ. Такимъ образомъ мы и тѣмъ уже не мало почтены, что ангелы вмѣстѣ съ нами научились тому, чего прежде не знали. А что (они узнали) и чрезъ насъ, объ этомъ пока не буду говорить. Итакъ, окажемъ и мы съ своей стороны безмолвное благоговѣніе, не нынѣ только и не на тотъ только день, когда слушаемъ, но въ продолженіе всей (своей) жизни, потому что слушать его всегда хорошо. Если намъ желательно знать, что дѣлается въ чертогахъ царскихъ, какъ напр., что дѣлаетъ или предпринимаетъ царь касательно своихъ подданныхъ, хотя часто это нисколько не относится къ намъ, то не гораздо ли болѣе вожделѣнно слышать, что изрекъ Богъ, и особенно, когда все это насъ касается? А все это апостолъ (Іоаннъ) съ точностію скажетъ намъ, какъ другъ самого (небеснаго) Царя, или, лучше, какъ такой мужъ, который имѣетъ въ себѣ Его самого говорящаго, и отъ Него слышалъ все, что Онъ—отъ Своего Отца. *Васъ рекохъ други*, говорилъ Онъ, *яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (Іоан. XV, 15). Итакъ, подобно тому, какъ если бы мы вдругъ увидѣли кого-нибудь сходящаго свыше, съ высоты неба, и обещающаго сказать намъ въ точности,

что тамъ (происходить), и конечно всѣ стеклись бы къ нему, подобно тому поступимъ и нынѣ. Именно съ неба собеседуетъ съ нами этотъ мужъ. Онъ не отъ міра, какъ говоритъ и самъ Христосъ: *вы есте отъ міра сего* (Іоан. хv, 19). Въ немъ вѣщаетъ Утѣшитель вездѣсущій и съ такою же точностію вѣдущій Божія, съ какою душа человѣческая знаетъ въ себѣ свое, — Духъ святости, Духъ правый, владычественный, руководящій на небеса, дающій другія очи, способныя видѣть будущее, какъ настоящее, и сподобляющій насъ еще во плоти созерцать то, что есть на небесахъ. Итакъ, будемъ оказывать ему безмолвное вниманіе въ продолженіе всей нашей жизни. Никто пусть не остается здѣсь лѣнивымъ, сонливымъ, нечистымъ. Переселимся къ небесамъ, потому что онъ вѣщаетъ только тамъ, и только тѣмъ, которые тамъ обитаютъ. А если будемъ оставаться на землѣ, то не получимъ отсюда никакой важной пользы. Слова Іоанна не относятся къ тѣмъ, которые не хотятъ отстать отъ жизни скотской, точно такъ же, какъ и его не касаются здѣшнія дѣла. Громъ поражаетъ наши души, имѣя и незначительный звукъ, а его голосъ не устрашаетъ никого изъ вѣрныхъ; напротивъ, еще освобождаетъ отъ страха и смущенія душевнаго, и поражаетъ только демоновъ и тѣхъ, которые имъ работаютъ. Итакъ, чтобы намъ видѣть, какъ онъ ихъ поражаетъ, сохранимъ безмолвіе, какъ вѣншее, такъ и внутреннее, особенное внутреннее. Какая въ самомъ дѣлѣ польза, когда уста безмолвствуютъ, а душа возмущается и имѣетъ въ себѣ сильную бурю? Я ищу безмолвія въ душѣ, въ помыслахъ, такъ какъ и внимательнаго требую слуха. Да не увлекаетъ же насъ страсть къ богатству, ни любовь къ славѣ, ни сила гнѣва, ни волненіе другихъ страстей. Невозможно слуху неочищенному уразумѣть какъ должно высоту изреченныхъ глаголовъ, уразумѣть, или познать, какъ слѣдуетъ, силу этихъ страшныхъ и неизреченныхъ таинъ и всякое добро, заключающееся въ этихъ божественныхъ изреченіяхъ. Если нельзя хорошо изучить игры на свирѣли и цитрѣ, не устремивъ къ тому всего ума, то какъ возможно выразумѣть таинственный гласъ слушателю, сидящему съ безпечною душею?

3. Такъ и Христосъ научаетъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ предъ свиніями* (Матѣ. vii, 6). Бисеромъ онъ называлъ эти самыя реченія ¹⁾, хотя они гораздо драгоцѣннѣе бисера, и называлъ только потому, что у насъ нѣтъ ничего цѣннѣе этой вещи. Потому и сладость слова Писаніе часто имѣетъ обычай сравнивать съ медомъ, не потому, чтобы такова только

¹⁾ Т. е. Евангеліе.

была ея мѣра, но потому, что у насъ нѣтъ ничего другого слаще меда. А что оно несравненно превосходить и драгоцѣнность камней и сладость всякаго меда, послушай, какъ пророкъ говоритъ о немъ, показывая его превосходство. *Вожделѣнна, говоритъ онъ, паче злата и камени честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. хviii, 11). Но это только для здоровыхъ, — почему и присовокупилъ пророкъ: *ибо рабъ твой хранитъ я* (ст. 12). И опять въ другомъ мѣстѣ, назвавъ ихъ сладкими, присовокупилъ: *гортани моему. Коли сладка, говоритъ онъ, гортани моему словеса твоя* (Пс. cxviii, 113). И еще, выражая ихъ превосходство, говоритъ: *паче меда и сота устомъ моимъ*, — потому что онъ имѣлъ крѣпкое здравіе душевное. Такъ и мы не будемъ приступать къ нимъ въ болѣзни, но, уврачевавъ сперва душу, примемъ эту пищу. Для того я такъ много и говорю предварительно, еще не касаясь самыхъ изреченій Евангелія, чтобы каждый освободился отъ всякаго вида болѣзни, и такимъ образомъ какъ бы взошелъ на самое небо, взошелъ чистымъ, отложивъ гнѣвъ, заботы, житейскія тревоги и всѣ иныя страсти. Не очистивъ такимъ образомъ предварительно души, невозможно получить отсюда никакой важной пользы. И никто не говори мнѣ, что мало времени до будущаго собранія. Не только въ пять дней, но въ одну минуту можно перемѣнить всю свою жизнь. Скажи мнѣ, есть ли что хуже разбойника и челоуѣкоубійцы? Не крайняя ли это степень зла? И однакожъ разбойникъ вдругъ взошелъ на высоту добродѣтели и перешелъ въ самый рай, не имѣя для этого нужды ни во многихъ дняхъ, ни даже въ половинѣ одного дня; довольно было для этого одной минуты. Слѣдовательно можно вдругъ перемѣниться и сдѣлаться златымъ, вмѣсто брѣннаго. Такъ какъ добродѣтель и порокъ происходятъ не отъ природы, то и перемѣна легка и не подвержена никакому насилію. *Аще хотите и послушаете Мене, говоритъ Богъ, благая земли снѣте* (Іс. i, 19). Видишь ли, что нужно одно только хотѣніе? Но хотѣніе — не обыкновенное, общее многимъ, а тщательное. Я знаю, что нынѣ всѣ желаютъ воспарить на небо; но надобно доказать это желаніе въ самыхъ дѣлахъ. И купецъ, желая обогатиться, не останавливаетъ своего желанія только на одной мысли, но снаряжаетъ корабль, собираетъ корабельщиковъ, приглашаетъ кормчаго, снабжаетъ судно всѣмъ, что нужно, беретъ въ заемъ золото, переплываетъ море, отправляется въ чужую землю, претерпѣваетъ множество опасностей и все прочее дѣлаетъ, что извѣстно мореплавателямъ. Такъ и мы должны доказывать свое желаніе. И мы вѣдь совершаемъ плаваніе, не изъ (одной) земли въ (другую) землю, но отъ земли къ небу. Сдѣ-